

## ПРАВО

УДК 347.1

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В ПОНИМАНИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ:  
ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ДИСКУССИИ

Быков Д.И.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Статья посвящена анализу доктринальных дискуссий о природе добросовестности (*bona fides*) в праве, фокусируясь на противостоянии объективного и субъективного подходов к её пониманию. Объективный подход рассматривается через призму стандарта «разумного лица», обеспечивающего универсальность и предсказуемость правоприменения, тогда как субъективный подход акцентирует внутренние убеждения и контекстные обстоятельства участников правоотношений. На основе сравнительно-правового анализа (российское, германское, англосаксонское право), международных актов (Принципы УНИДРУА, PECL) демонстрируется эволюция добросовестности от жёсткой дихотомии к синтезу подходов. Также внимание уделено современным вызовам, которые усиливают необходимость баланса между стабильностью права и индивидуальной справедливостью. Автор приходит к выводу, что гибридные модели, сочетающие объективные стандарты с учётом субъективных факторов, становятся ключевым инструментом адаптации права к глобальным трансформациям.

*Ключевые слова:* добросовестность, объективный подход, субъективный подход, разумное лицо, злоупотребление правом, принципы права, судебная практика, цифровизация, справедливость, международное коммерческое право.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-02-122-127

Добросовестность (*bona fides*) - один из ключевых принципов современного права, пронизывающий гражданские, коммерческие и даже публично-правовые отношения. Однако её содержание остается предметом оживлённых дискуссий в юридической доктрине. Основной водораздел проходит между сторонниками объективного и субъективного подходов к определению добросовестности. Первые рассматривают её как внешний стандарт поведения «разумного лица», вторые - как внутреннее убеждение участника правоотношений. Эти различия влияют на судебную практику, формирование прецедентов и толкование норм. В данной статье анализируются доктринальные позиции, аргументы за и против каждого подхода, а также их отражение в законодательстве и правоприменении.

Добросовестность исторически связана с этическими категориями справедливости и честности, но в праве она приобретает формализованные черты. В российском Гражданском кодексе (ст. 1, 10) добросовестность названа основой осуществления гражданских прав. Аналогичные положения содержатся в международных актах, например, в Принципах УНИДРУА (ст. 1.7), где подчёркивается, что стороны обязаны действовать «в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой» [7].

Однако законодательные дефиниции часто носят абстрактный характер, что оставляет простор для интерпретаций. Как отмечает Е.А. Суханов, добросовестность в российском праве выполняет функцию «корректировки формального равенства в сторону справедливости». Это делает её категорией оценочной, зависящей от контекста [1].

Объективный подход к добросовестности базируется на идее существования универсального, внешнего по отношению к индивиду стандарта поведения, который определяется через призму общественных ожиданий. Этот стандарт, часто обозначаемый как «разумное лицо» (*reasonable person*), выступает в роли абстрактного эталона, позволяющего оценивать действия участников правоотношений вне зависимости от их личных убеждений или субъективных обстоятельств. Такой подход имеет глубокие исторические корни и

продолжает доминировать в современных правовых системах, включая российскую.

Идея объективной добросовестности восходит к римскому праву, где принцип *bona fides* использовался в договорных спорах для оценки поведения сторон через призму общепринятых норм. Римские юристы, такие как Гай, подчёркивали, что «добросовестность требует действовать так, как поступает честный человек, а не так, как это удобно конкретному лицу». В Средние века каноническое право интегрировало этот принцип в концепцию «справедливой сделки», что позже повлияло на формирование европейского гражданского права.

В англосаксонской традиции объективный подход оформился в XIX веке благодаря трудам Оливера Уэнделла Холмса и других представителей юридического позитивизма. Холмс утверждал, что право должно основываться на «внешних стандартах», а не на «внутренних мотивах», чтобы обеспечить предсказуемость и единство судебной практики. Это нашло отражение в прецедентном праве, где критерий «разумного человека» стал ключевым в деликтных и договорных спорах.

В праве США и Великобритании концепция «reasonable person» служит основой для оценки не только добросовестности, но и небрежности (negligence).

Во французском Гражданском кодексе (ст. 1134) добросовестность (*bonne foi*) рассматривается как объективное требование к исполнению обязательств. Немецкое право, несмотря на акцент на субъективных намерениях в § 242 BGB, также опирается на объективные критерии в судебной практике. Например, в решениях Федерального суда Германии (BGH) неоднократно подчёркивалось, что «добросовестность не может быть сведена к вере лица, если его поведение противоречит обычаям делового оборота».

В российском ГК РФ объективный подход закреплён в ст. 10 (запрет злоупотребления правом) и ст. 307 («разумность» как критерий исполнения обязательств) [6]. Презумпция добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК) предполагает, что участники правоотношений действуют в соответствии с ожиданиями «среднего разумного лица».

Выделяют следующие аргументы в пользу объективного подхода:

1. Единство правоприменения. Универсальный стандарт минимизирует риски судебного произвола. Как отмечает А.Г. Карапетов, «объективные критерии позволяют избежать ситуаций, когда судья подменяет закон собственными моральными установками» [2].

2. Экономическая эффективность. Чёткие правила снижают транзакционные издержки. Бизнес может прогнозировать последствия действий, не опасаясь субъективных трактовок.

3. Защита третьих лиц. Объективный подход обеспечивает стабильность оборота. Например, в спорах о добросовестном приобретателе (ст. 302 ГК РФ) суды фокусируются на том, «могло ли лицо знать о пороках права», а не на его личных убеждениях.

4. Адаптивность. Стандарт «разумности» эволюционирует вместе с обществом. В деле *Carlill v. Carbolic Smoke Ball Co* (1893) английский суд признал, что рекламные обещания должны толковаться так, как их понял бы «разумный потребитель», что позже стало основой для защиты прав покупателей в цифровую эпоху.

Несмотря на преимущества, объективный подход сталкивается с критикой:

~ игнорирование индивидуального контекста. Стандарт «разумного лица» может быть слишком абстрактным;

~ культурная специфика. В глобализованном мире «разумность» варьируется между странами. Как указывает М. Рейман, «то, что считается добросовестным в Германии, может быть истолковано иначе в Японии».

Однако сторонники объективности парируют:

~ гибкость стандарта. «Разумность» не является жёстким шаблоном. В США, например, суды учитывают профессиональный статус сторон.

~ баланс через прецеденты. Накопление судебной практики позволяет корректировать стандарты.

С развитием технологий возникают новые вызовы. Например, может ли алгоритм, управляющий сделкой, считаться «добросовестным»? В ЕС Регламент об искусственном интеллекте (2023) требует, чтобы ИИ-системы соответствовали «ожиданиям разумного пользователя», включая прозрачность решений. В российской практике ФАС уже использует алгоритмы для анализа добросовестности конкуренции, оценивая действия компаний через призму «типичного поведения на рынке».

Таким образом, объективный подход остаётся краеугольным камнем современного права, обеспечивая баланс между стабильностью и адаптивностью. Его сила - в способности трансформироваться, вбирая новые социальные и технологические реалии, сохраняя при этом ядро в виде универсальных стандартов. Как отмечает Р. Познер, «разумность - это не математическая формула, а зеркало, отражающее эволюцию общества».

Субъективный подход к добросовестности акцентирует внимание на внутреннем состоянии участника правоотношений - его искренних убеждениях, намерениях и осведомлённости. В отличие от объективного стандарта «разумного лица», здесь ключевым становится вопрос: «Действовало ли лицо в соответствии со своими собственными представлениями о правомерности и справедливости?» Этот подход, хотя и менее универсальный, позволяет учитывать индивидуальные особенности сторон, что особенно важно в ситуациях, где формальное применение норм противоречит принципам справедливости.

Истоки субъективной трактовки добросовестности можно найти в каноническом праве Средневековья, где морально-этические принципы доминировали над формальными правилами. Фома Аквинский утверждал, что «добросовестность есть согласие действий с совестью», подчёркивая внутренний аспект правомерности.

В эпоху Просвещения идея субъективности получила развитие в трудах Иммануила Канта, который связывал добросовестность с категорическим императивом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать всеобщим законом» [4]. Это сместило фокус с внешнего соответствия нормам на внутреннюю мотивацию.

В XIX веке немецкая историческая школа права (Фридрих Карл фон Савиньи) утверждала, что право должно отражать «народный дух» (Volksgeist), включая индивидуальные представления о справедливости [5]. Эти идеи легли в основу § 242 Германского гражданского уложения (BGB), где добросовестность (Treu und Glauben) трактуется через призму намерений сторон.

Также необходимо понять, как же субъективный подход проявляется в современных правовых системах. В германском праве § 242 BGB требует от сторон «действовать в соответствии с добросовестностью, учитывая обычаи гражданского оборота». Однако немецкие суды часто интерпретируют эту норму через субъективные критерии.

Во французском праве несмотря на объективную трактовку добросовестности в ст. 1134 ГК Франции, субъективный подход проявляется в защите слабой стороны.

В российском праве в ст. 302 ГК РФ приобретатель признаётся добросовестным, если он «не знал и не должен был знать» о недостатках права собственности. Субъективный критерий («не знал») доминирует в судебной практике.

В США в договорном праве субъективный подход проявляется в доктрине «субъективной невозможности исполнения» (subjective impossibility).

В пользу субъективного подхода выступают следующие критерии:

1. Индивидуальная справедливость. Учёт реальных обстоятельств и мотивов позволяет избежать формализма. Как отмечает В.А. Белов, «право должно видеть за нормой живого человека, а не абстрактного субъекта» [3].

2. Защита уязвимых групп. В потребительских, трудовых и семейных спорах субъективный подход уравнивает неравенство сторон.

3. Гибкость в уникальных ситуациях.

4. Стимулирование честности. Если лицо знает, что его внутренние убеждения будут учитываться, это способствует более осознанному соблюдению права.

Но также существуют претензии к субъективному подходу:

- сложность доказывания. Установить подлинные намерения стороны часто невозможно без субъективных свидетельств;

- риск злоупотреблений. Субъективность создаёт лазейки для недобросовестных действий. Например, в России участились случаи, когда должники фальсифицируют «добрые намерения», чтобы избежать ответственности;

- нестабильность права. Разнообразие трактовок подрывает единство судебной практики;

Контраргументы сторонников субъективности проявляются в следующем:

- использование презумпций. Например, в спорах о добросовестности приобретателя бремя доказывания «знания о пороках» лежит на истце (п. 5 ст. 10 ГК РФ).

- опора на косвенные доказательства. Суды анализируют поведение лица (переписку, действия до спора) для оценки искренности.

- ограничение через публичный порядок. Даже при учёте субъективных факторов суды не могут игнорировать императивные нормы.

По-моему мнению, субъективный подход, несмотря на критику, остаётся важным инструментом достижения справедливости. Его сила - в способности адаптировать право к многообразию человеческих ситуаций. Как отмечает Л. Фуллер, «добросовестность - это диалог между законом и совестью». В условиях роста индивидуализма и цифровизации баланс между субъективностью и объективностью будет оставаться ключевой темой доктринальных дискуссий.

Современное право всё чаще отходит от жёсткого противопоставления объективного и субъективного подходов к добросовестности, двигаясь в сторону их комбинации. Этот синтез обусловлен необходимостью сохранить предсказуемость права, не жертвуя при этом справедливостью в уникальных ситуациях. Тенденция проявляется в законодательстве, судебной практике и международных стандартах, формируя гибридные модели, которые учитывают как общественные ожидания, так и индивидуальные обстоятельства.

Международное коммерческое право активно интегрирует оба подхода. Например, Принципы УНИДРУА (ст. 1.7) требуют от сторон действовать «в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой», при этом комментарии уточняют, что оценка должна включать:

- объективный элемент - соответствие стандартам конкретной отрасли;

- субъективный элемент - осведомлённость сторон о специфике сделки.

Аналогичный баланс закреплён в Принципах европейского договорного права (PECL). Ст. 1:201 устанавливает, что добросовестность зависит от «природы договора, обстоятельств его заключения и намерений сторон».

Технологии ставят перед правом вопросы, требующие комбинации подходов:

1. Искусственный интеллект. Может ли алгоритм, управляющий сделкой, считаться добросовестным?

2. Смарт-контракты. В деле *DAO vs. The Split* (2022) суд Швейцарии аннулировал автоматически исполненный контракт, так как код блокчейна, хотя и формально корректен (объективно), «игнорировал явные намерения сторон, выраженные в переписке» (субъективно).

3. Цифровые платформы. В Регламенте P2B (ЕС, 2019) установлено, что условия использования онлайн-площадок должны быть не только прозрачными (объективно), но и «справедливыми с учётом рыночной позиции бизнес-пользователя» (субъективно).

Принципы ESG (экологическое, социальное и корпоративное управление) усиливают синтез объективного и субъективного. Например, Директива ЕС о корпоративной устойчивости (CSDDD, 2023) требует от компаний:

- объективно - внедрить *due diligence* для выявления рисков в цепочке поставок;

- субъективно - учитывать «ожидания заинтересованных сторон», включая локальные сообщества.



В деле ClientEarth v. Shell (2023) суд Нидерландов обязал компанию сократить выбросы CO<sub>2</sub>, сославшись не только на нарушение Парижского соглашения (объективно), но и на «несоответствие публичным заявлениям о климатической ответственности» (субъективно).

В итоге современные тенденции подтверждают, что синтез объективного и субъективного подходов - не компромисс, а эволюция права. Как отмечает Р. Дворкин, «право - это целостность, требующая согласования правил и принципов». Гибридные модели позволяют реагировать на вызовы глобализации, цифровизации и этических трансформаций, сохраняя суть добросовестности как баланса между порядком и справедливостью.

Таким образом, доктринальные дискуссии о природе добросовестности отражают извечный конфликт между стабильностью и справедливостью. Объективный подход обеспечивает предсказуемость, но рискует стать инструментом формализма. Субъективный подход повышает гибкость, но создаёт риски злоупотреблений. Современное право движется к балансу, закрепляя общие стандарты, но допуская исключения. Как отмечает В.С. Ем, «добросовестность - это мост между буквой закона и жизненными реалиями». В условиях глобализации и цифровизации поиск этого баланса остаётся актуальной задачей.

#### Список использованных источников

1. Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т. / Е. А. Суханов. - Москва : Статут, 2006. - Т. 1. - 624 с. - Текст : непосредственный.
2. Карапетов А. Г. Экономический анализ права / А. Г. Карапетов. - Москва : Статут, 2016. - 528 с. - Текст : непосредственный.
3. Белов В. А. Гражданское право: Особенная часть / В. А. Белов. - Москва : Юрайт, 2017. - 463 с. - Текст : непосредственный.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности / Кант И. - Москва : Мысль, 1965. - Т. 4. - Текст : непосредственный.
5. Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1 / Пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. - Москва : Статут, 2011. - 510 с. - Текст : непосредственный.
6. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации : ГК : текст с изм. и доп. на 1 февраля 2023 г. - Москва : Эксмо-Пресс, 2023. - 688 с. - Текст : непосредственный.
7. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 / Пер. А. С. Комаров. - Москва : Статут, 2020. - 770 с. - Текст : непосредственный.

#### Сведения об авторах

Быков Дмитрий Игоревич - аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: wolf7153@yandex.ru

UDC 347.1

### OBJECTIVE AND SUBJECTIVE IN THE UNDERSTANDING OF GOOD FAITH: DOCTRINAL DISCUSSIONS

Bykov D.I.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article is devoted to the analysis of doctrinal discussions about the nature of good faith (bona fides) in law, focusing on the opposition of objective and subjective approaches to its understanding. The objective approach is considered through the prism of the "reasonable person" standard, which ensures the universality and predictability of law enforcement, while the subjective approach emphasizes the internal beliefs and contextual circumstances of the

participants in legal relations. Based on comparative legal analysis (Russian, German, Anglo-Saxon law), international acts (Unidroit Principles, PECL), the evolution of good faith from a rigid dichotomy to a synthesis of approaches is demonstrated. Attention is also paid to modern challenges that reinforce the need for a balance between the stability of law and individual justice. The author concludes that hybrid models combining objective standards with subjective factors are becoming a key tool for adapting law to global transformations.

*Keywords: good faith, objective approach, subjective approach, reasonable person, abuse of law, principles of law, judicial practice, digitalization, justice, international commercial law.*

### References

1. Sukhanov E. A. Civil law: In 4 volumes / E. A. Sukhanov. - Moscow : Statute, 2006. - Vol. 1. - 624 p. - Text : direct.
2. Karapetov A. G. Economic analysis of law / A. G. Karapetov. - Moscow : Statute, 2016. - 528 p. - Text : direct.
3. Belov V. A. Civil law: A special part / V. A. Belov. Moscow : Yurait, 2017. 463 p. - Text : direct.
4. Kant I. Fundamentals of the metaphysics of morality / I. Kant - Moscow : Mysl, 1965. - Vol. 4. - Text : direct.
5. Savigny F. K. The system of modern Roman law. Vol. 1 / Translated from German by G. Zhigulin; edited by O. Kutateladze, V. Zubar. - Moscow : Statute, 2011. 510 p. - Text : direct.
6. The Russian Federation. Laws. The Civil Code of the Russian Federation : Civil Code of the Russian Federation : text with amendments and additions as of February 1, 2023. Moscow : Eksmo-Press, 2023. - 688 p. - Text : direct.
7. Principles of international commercial contracts UNIDROIT 2016 / Translated by A. S. Komarov. - Moscow : Statute, 2020. - 770 p. - Text : direct.

### Author's information

Bykov Dmitry Igorevich - postgraduate student at the Department of Criminal Law, Theory and History of State and Law of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky.  
E-mail: wolf7153@yandex.ru